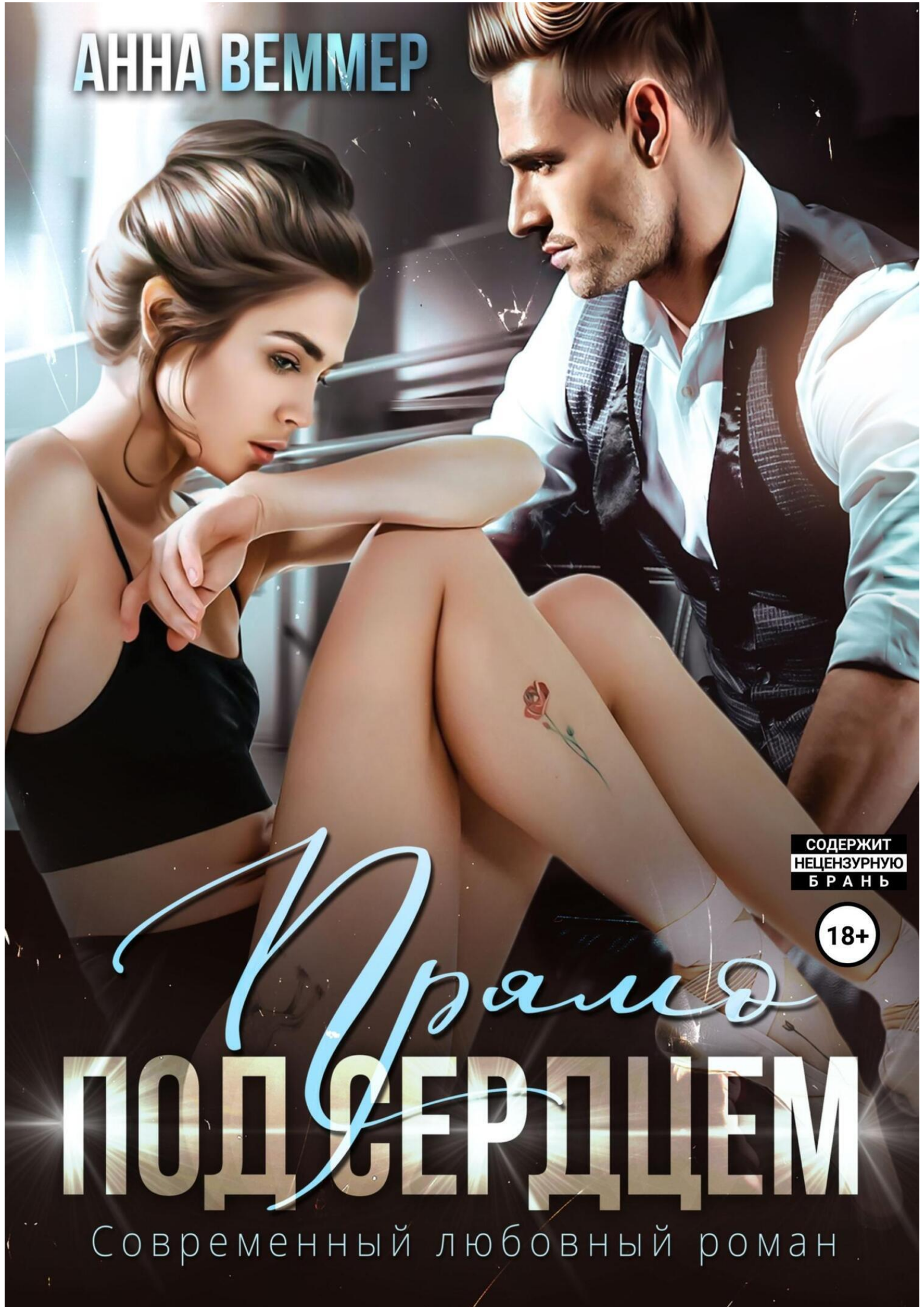

АННА ВЕММЕР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Грама
ПОД СЕРДЦЕМ

Современный любовный роман

Анна Веммер
Прямо под сердцем

«Автор»

2024

Веммер А.

Прямо под сердцем / А. Веммер — «Автор», 2024

Когда мужчине не нужен ребенок - это не самая большая проблема. Гораздо страшнее, если ребенок не нужен ему настолько, что он готов разрушить твою жизнь, лишь бы избавиться от него. Когда-то он спас меня. А теперь я должна бежать. Жить под чужим именем, украденной судьбой, сражаясь с демонами прошлого и умирая от любви. И все для того, чтобы спасти жизнь, что храню прямо под сердцем...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анна Веммер

Прямо под сердцем

Глава 1

Полина

– К сожалению, так решила природа. Виновны двое, но страдает женщина.

Я молча смотрю в окно, на приближающиеся ворота медицинского центра. Пока муж получает пропуск и ждет, когда нас впустят на территорию, рассматриваю больничный парк и красивое светлое современное здание. Там даже палаты наверняка с панорамными окнами и доставкой кофе в номер.

Мысль о том, что беременность – не преступление, чтобы назначать виноватых, я оставляю при себе. Я прекрасно знаю его позицию. Спорить, унижаться, в то время как горло болит от подступающих слез? Нет уж.

Мы въезжаем на парковку и останавливаемся в полной тишине. Я не спешу выходить из машины и вообще шевелиться, а муж не торопит. Он задумчиво смотрит на пустой паркинг так, словно меня вообще нет рядом.

Наверное, ему тоже непросто.

Но у него хотя бы есть выбор. Он сам принял решение, никто не заставлял его отказываться от ребенка. Просто он всегда знал, как поступит, и не сомневался, когда пришло время.

– Все будет в порядке, – наконец говорит он. – Ты останешься здесь до завтра, врачи последят за твоим состоянием. Потом тебя будет вести один из лучших врачей в стране. Никаких последствий не будет.

– Ты этого не знаешь.

Никто не знает. Да, современная медицина творит чудеса и да, миллионы женщин переживают аборт, не испытывая в будущем проблем с рождением детей, но бывают и другие случаи. И если бы всегда можно было сказать «Это все потому что она лечилась не у лучших!». Если бы.

– Я все компенсирую. Машина, Мальдивы, Милан. Возьмешь подруг, оттянетесь от души. Становится тошно и я, поморщившись, выхожу.

Остаток пути до регистратуры мы преодолеваем молча.

В лифте я рассеянно рассматриваю кривое отражение мужа в хромированной панели с кнопками. Пытаюсь понять, что чувствую. Ненависть? Обиду? Предательство? На самом деле, я ощущаю странное опустошение. Как будто все эмоции стерли, оставив только тоскливое желание, чтобы все закончилось как можно скорее.

Проходя мимо зеркала я замечаю, что инстинктивно прижимаю руку к животу. Отдергиваю ее и распрямляю плечи. Это не самое страшное, через что мне приходилось пройти. Повторю это тысячу раз, и сама поверю.

– Здравствуйте, – голос звучит хрипло и устало, – Полина Воронова. Я... записана на прерывание беременности.

– Секундочку. Можно ваш паспорт?

Я стараюсь не думать о том, что обо мне думает эта миловидная девушка за стойкой. Повторяю как мантру то, что всем плевать, зачем я иду к врачу, что избавиться от нежеланной беременности – мое право, и только мне решать, что делать со своим телом. Что никто, ни одна душа на всем белом свете не имеет права осуждать меня или упрекать.

Но только решаю не я, и это хуже любого осуждения.

– У вас оплачено пребывание в клинике, поэтому вам сейчас необходимо подняться на третий этаж и отдать документы медсестре. Она проводит вас в палату, располагайтесь, когда врач освободится, вас пригласят.

– Спасибо.

Я надеялась, мне не оставят времени на рефлексии. Тут же проводят в операционную, и проснусь я уже совершенно другим человеком.

– Я сама.

Муж останавливается, словно налетев на невидимую стену.

– Уверена?

Как можно быть таким равнодушным? Неужели он НИЧЕГО не чувствует, зная, что вот сейчас он может все отменить – и у него будет ребенок.

– Да. Я позвоню, когда выпишут. Пришлешь водителя.

– Я приеду за тобой. Напиши, когда процедура закончится.

– Иди к черту, Воронов, – огрызаюсь я.

– Полин...

– Вот что я тебе скажу. Ты прав, мы оба виноваты в том, что случилось. И ты прав также в том, что условия брака были оговорены изначально, и я на них согласилась. Я даже признаю твое право отказаться от ребенка, потому что хоть это и мое тело, ребенок все-таки общий. Поэтому да, я сделаю аборт, как ты приказал. Но не жди, что я буду благодарна тебе за это. Не жди от меня понимания и не думай, будто отношение к тебе останется прежним. Если бы ты действительно обо мне заботился, ты бы хотя бы попробовал встать на мое место.

Меня так бесит его спокойствие! Хочется зарядить хорошую пощечину, чтобы сбросить эту маску циничного урода!

– Я благодарна тебе за помощь. За то, что не бросил меня умирать от голода и все такое. Но за это не буду. Мне не нужна машина и я не поеду с подружками на Мальдивы. Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое. Я знаю, что развод ты мне не дашь, но сделай, пожалуйста, вид, что меня не существует. Не говори со мной, не встречайся, не пиши и не звони. А я взамен продолжу, как ты и хотел, на людях играть жену миллионера. Такие были условия сделки? Пока мы ее соблюдали, мне не приходилось избавляться от детей.

– Хорошо, – после долгой паузы говорит он. – Наверное, ты права. Я очень сожалею, что все так вышло, Полина. Правда.

– Тогда отмени. Отмени аборт и отпусти меня. Я подпишу любые документы, отказ от претензий, договор о неразглашении, что скажешь! Ты не услышишь ни обо мне, ни о ребенке! Я всегда держу слово, ты знаешь! Мне не нужны твои деньги, я...

– Полина, успокойся. Мы все обсудили. Ты не выживешь с ребенком на руках. Не порти собственное будущее. Через много лет ты скажешь мне спасибо.

– Я скажу тебе сейчас, – сквозь зубы, из последних сил держась, чтобы не разреветься, говорю я. – Катись в ад, Воронов!

– Тебе позвонит Мария, чтобы узнать, как дела. Если не поговоришь с ней, приеду я. Слушайся врачей, и все будет хорошо.

Я смотрю в спину мужу до тех пор, пока двери лифта не отрезают его от моей боли. Какая-то часть меня верит, что он обернется. Что из холодного циника превратится в человека, год назад поразившего меня уверенностью и спокойствием. Что вместо «все будет хорошо» скажет «я люблю тебя».

Конечно, это никогда не случится.

Я думала, он спас меня и подарил новый мир, без страха и голода.

На самом деле лучше бы я отказалась тогда стать его женой и сдохла.

***

Мне было девятнадцать. Как и миллионы сверстников я училась в универе, жила с родителями, подрабатывала, чтобы не напрягать их своими хотелками и не представляла, что привычный мир может когда-нибудь рухнуть.

Авиакатастрофа. Экскурсионный вертолет разбился на Алтае. Мама и папа праздновали годовщину свадьбы.

Квартира, отличная, трехкомнатная, в хорошем районе с охраной, закрытым парком и террасами на крыше, была в ипотеке, и я просто не смогла бы платить такие деньги, а страховку папа забыл продлить.

У меня осталось несколько сотен тысяч рублей на папиных счетах, отложенные на черный день, но и эти крохи мне пообещали отдать только через полгода. Было стыдно, но я все равно злилась на родителей, не давших мне даже шанса выкарабкаться.

Он пришел на похороны. Кирилл Воронов, давний друг отца. Как сказал сам Воронов, когда-то они вместе служили, а потом пути разошлись. Мне было не интересно. Я вообще слабо соображала.

– Что ты собираешься делать? – спросил Воронов. – У тебя есть деньги или работа?

– Нет. Квартира в ипотеке. Платеж в двадцать раз больше моей стипендии. Не знаю. Нужно как-то ее продать, но сначала должно пройти полгода, так сказал юрист. Я не знаю, позволят ли мне жить там это время. И что с университетом, я...

Голос сорвался.

– Я на платном.

Чтобы платить за квартиру и учебу и при этом не умереть с голоду, мне нужно найти место, где будут платить больше сотни. Путем простых логических цепочек приходим к проституции. Хотя вряд ли получится эффективно совмещать ее с учебой.

Я сквозь слезы рассмеялась этой дурацкой мыслью. Воронов смотрел с сочувствием, но мне вдруг показалось, что он лишь играет.

– Когда-то твой отец спас мое здоровье. Я мог остаться инвалидом, если бы не он. Он же отговорил меня от военной карьеры, хотя по долгу службы вроде как должен был делать ровно противоположное. Во многом я обязан твоему отцу. И хочу помочь тебе.

– Как? – глухо спросила я.

– Тебе не придется продавать квартиру и бросать учебу. Я буду платить твою ипотеку, оплачу все долги родителей и университет.

Я с недоверием на него посмотрела, впервые с того страшного звонка, в котором усталый голос сообщил, что обломки вертолета найдены, почувствовав что-то кроме усталости.

– А взамен?

Никто не спасает дочерей старых приятелей безвозмездно. Мы же не в сказке.

– Фиктивный брак.

– Что?

– Заключим фиктивный брак. Станешь Полиной Вороновой, молодой женой миллионера. Переедешь ко мне, получишь в распоряжение кредитку, загранпаспорт, водителя, ну или получишь права и купим тебе машину.

Спустя долгие несколько минут, понюхавшиеся мне на то, чтобы справиться с шоком, я спросила:

– Зачем вам это? Зачем нужен фиктивный брак?

– Для решения некоторых бизнес-задач. Для успокоения особо рьяных охотниц за богатыми холостяками. Для имиджа, в конце концов. Видишь ли, Полина, я уже был женат, и не планирую заводить семью снова. Но про холостого богатого мужчину тридцати пяти лет ходят разные нехорошие слухи. Которые мне не нужны. Так как ты оказалась в сложной ситуации, а твой отец был мне другом, я хочу тебе помочь. Ну и извлечь из этой помощи выгоду. Прости за цинизм.

– Так нельзя, я не могу...

– Это не навсегда. Сколько осталось платить за квартиру? Семь лет? Разведемся, когда все будет выплачено. Будешь свободной девушкой с квартирой, образованием и богатым жизненным опытом. По-моему, сделка весьма неплоха.

Я до боли сжала вилку и ковырнула салат, к которому так и не притронулась. Воронов вдруг протянул руку и накрыл мою. Неожиданно внутри стало чуть теплее.

– Тебе не нужно меня бояться. Я не причиню тебе вреда. Клянусь, что за семь лет нашего брака не прикаснусь к тебе. Между нами ничего и никогда не будет.

***

Я не знаю, кто придумал селить ожидающих аборт женщин рядом со счастливыми беременными на сохранении. Для меня заказана отдельная палата, но даже вид неспешно прогуливающих по коридору девчонок с огромными животами вызывает боль. Надо разобрать вещи и поставить на зарядку телефон, но я без сил опускаюсь на кровать и сворачиваюсь клубочком.

Вряд ли я могу объяснить даже самой себе, почему внутри словно проворачивают нож от блендера.

Я не люблю Воронова. Очарована им, его харизмой, чувством юмора, уверенностью, отношением к жизни. Богатством, разумеется, этот год я могла провести в какой-нибудь общаге с тараканами, а вместо этого жила в загородном доме и понятия не имела, есть ли у выданной мужем кредитки лимит.

Но это не любовь, ночь с ним была случайной. Как и беременность.

И все же я чувствую, словно меня предали.

О, нет, он озвучил условия сразу.

– Я не стану запрещать тебе иметь любовников, однако есть несколько правил. Первое: никто не должен знать. Никаких встреч в людных местах, фоточек в соцсетях. Лучше если это будет кто-то из моего персонала. Второе: прежде, чем пускаться во все тяжкие, ты дашь мне его имя. Я должен быть уверен, что через тебя не попытаются добраться до меня. И третье: если ты забеременеешь, сделаешь аборт. Я не планирую воспитывать чужих детей.

Тогда я рассмеялась. Мы стояли на ступеньках ЗАГСа, готовые расписаться, совершенно буднично одетые. Воронов все это говорил, а я думала: неужели он это всерьез? Неужели думает, что я заведу любовника из числа охранников, и ничего внутри не екает?

Он улыбнулся тогда, той самой выводящей из себя улыбкой всезнающего взрослого:

– Сейчас тебе кажется это глупостью, но тебе девятнадцать, Полина. Ты молодая и очень красивая девушка. Организм неизбежно потребует свое. Разумеется, если твои принципы резко осуждают измену даже в фиктивном браке, я помогу изучить ассортимент секс-игрушек и найти что-нибудь подходящее, но знай, что у тебя есть возможность получить нормальный секс. Только с соблюдением несложных правил, ради нашей общей безопасности.

Вот чудак! Я залилась краской и поспешно отвернулась. Нет уж, за семь лет воздержания никто еще не умер.

Тогда мне и в голову не могло прийти, что правило аборта распространяется и на тот случай, если ребенок от мужа.

Впрочем... может, он все же не верит?

Я устала мучить себя догадками. Устала пытаться убедить себя, что сама виновата. Устала думать о том, что будет дальше, как я буду смотреть в глаза мужу и как выдержу еще шесть лет рядом с ним.

Мне страшно среди белых стен частной клиники.

Но нет никого, кому об этом можно сказать.

Раздается негромкий стук. Дверь палаты приоткрывается, и внутрь заглядывает милосердная медсестра.

– Полина Романовна? Доктор ждет вас на процедуру. Вы готовы?

Нет, я не готова. Но забаррикадироваться в палате и орать не выход. Вызовут полицию, психолога. Может даже отправят в какой-нибудь кризисный центр, а Воронова объявят абьюзером, и мне разрешат оставить ребенка, но что дальше? Кирилл не оставит нас в покое. Я не строю иллюзий относительно мужа. Он умеет решать любые проблемы любыми способами. Главное для него результат.

Это все просто надо пережить. Забыть о Воронове, выцарапать себе будущее и навсегда усвоить урок что бывает с глупыми девочками, которые верят в порядочность и справедливость.

И все же я чувствую ужасную слабость. Тело не слушается, когда я иду по коридорам за медсестрой. На стул в кабинете врача я опускаюсь с облегчением.

– Доктор сейчас подойдет.

– Спасибо.

Мне кажется, девушка кидает на меня осуждающий взгляд, но это лишь игры воспаленного воображения. Она скорее волнуется: я наверняка бледная, как смерть. Только бы они не решили взять анализы еще раз и не отложили процедуру! Бессонная ночь наедине с собственными демонами меня убьет.

После мучительно долгого ожидания, наконец, открывается дверь, и я чувствую, как накрывает приступом тошноты, а руки леденеют. Врач – молодой мужчина, и этот факт почему-то окончательно выбивает меня из колеи.

– Полина Романовна? Здравствуйте. Меня зовут Павел, я ваш лечащий врач. Посмотрел анализы, все в порядке. Срок семь недель, поэтому медикаментозный способ нам, увы, не подходит. Но вы не переживайте, у нас современное оборудование и все на высшем уровне. Не стану обещать, что последствий не будет, все же это травматичное вмешательство в организм, но мы сделаем все, чтобы вы как можно скорее вернулись к привычной жизни. Возможно, несколько дней придется побыть в покое.

– А если не... – Я облизываю пересохшие губы. – Не медикаментозно, то... как?

– Вакуумный. Очень щадящий метод, современный. Под местной или общей анестезией.

Мы, конечно, всегда рекомендуем местную...

– Общую! Мне нужна общая! – быстро говорю я.

– У вас низкий болевой порог?

– Да.

– Хорошо, я приглашу анестезиолога. У вас есть еще какие-то вопросы ко мне?

– Это больно?

Врач хмурится, мой вопрос вводит его в ступор.

– Под общей анестезией? Нет, в норме болевых ощущений не возникает. После процедуры какое-то время могут сохраняться небольшие боли, но не сильнее, чем при предменструальном синдроме.

– Нет, – язык с трудом ворочается, – не мне. Ему.

Врач окончательно теряет связь с реальностью и ручка выпадает из руки.

– Ребенку? Вы спрашиваете, будет ли больно ребенку?

Я осторожно киваю, но его тон меня немного пугает.

– Нет, Полина Романовна, нервные окончания плода еще не сформированы, он не может чувствовать боль и чувствовать вообще что-либо как минимум до двенадцати недель.

Мы долго молчим. Я пытаюсь понять, что делать дальше и как вообще сфокусировать взгляд перед собой, а врач внимательно смотрит.

– Полина Романовна, у вас все в порядке?

– Да... – услышь я свое «да» со стороны, никогда бы не поверила.

– Простите за бестактность, но я должен задать вам пару вопросов. Очень важных. От них зависит ваше здоровье. Вас изнасиловали?

– Нет.

– Вас кто-то принуждает избавиться от ребенка?

– Нет...

– Вам нужен психолог? Я могу пригласить нашего специалиста. Просто поговорить. Для женщины это непростое решение...

– Да просто сделайте уже! – рычу я, неожиданно даже для самой себя выйдя из ступора, и отворачиваюсь.

– Но вы не хотите.

– Какая разница? Ваша работа – делать, а не исполнять желания.

– «Не навреди» – вот моя работа, Полина Романовна. Не уверен, что если возьмусь за аборт, то не наврежу вам.

– Не возьметесь вы, найдется другой.

Со вздохом Павел откидывается на спинку кресла.

– Знаете, Полина. Вы не первая пациентка, которая пришла ко мне на прерывание беременности. И не первая, кому это решение далось непросто. Мой стаж – двадцать два года, десять из которых я провел в государственной медицине, семь – совмещая и вот уже пять лет работаю исключительно в частной. Это я к тому, что после нескольких тысяч процедур я научился отделять тех, кто принимает непростое решение сам от тех, кого это решение принять вынудили. Или от тех, кто до конца его так и не принял. Вы не хотите избавляться от ребенка. Вы к нему привязались. Вы едва не плачете и сидите передо мной, представляя всякие ужасы о том, как ему будет больно. Хотя умом понимаете, что это все ерунда.

– Просто гормоны. Я на все так реагирую.

Врач снова вздыхает.

– Ну хорошо. Не обижайтесь на меня, Полина Романовна, я обязан удостовериться. Если хотите, мы поменяем вам лечащего врача.

– Нет, все в порядке.

– Тогда проходите, пожалуйста, в процедурную. Я приглашу врача, чтобы подобрал препараты, думаю, обойдемся внутривенной седацией.

Он открывает дверь, ведущую в процедурную. Кажется, я не могу сдвинуться с места. Несмотря на чистоту, блеск и роскошь, кабинет передо мной кажется входом в преисподнюю.

– А если пациентка не хочет делать аборт? – медленно спрашиваю я. – Вы можете написать, что сделали и... не делать?

Кирилл

Часы скоро взорвутся – так пристально я на них смотрю.

Круг. Еще круг. Секундная стрелка бежит мучительно медленно.

Потрескивает камин. Пламя – единственный источник света в комнате, и я не могу найти в себе сил подняться и включить свет, да и зачем он мне?

Телефон на столе мертв. Я несколько раз проверяю зарядку, звук, уведомления. Но сегодня даже многочисленные рабочие вопросы перестают сыпаться, как из рога изобилия. Абсолютная тишина.

Я наивно надеюсь, она напишет. Пришлет хотя бы короткое «все» или «я в порядке». И хоть я знаю, что этого не будет, продолжаю гипнотизировать то часы, то экран.

– Кирилл Михайлович, я вам еще сегодня нужен? – в гостиную заходит Анатолий, мой бессменный управляющий. Без него дом бы зарос паутиной и пылью, а я сам сдох бы с голоду.

– Нет, Анатолий, спасибо, ты свободен.

– Кирилл Михайлович, насчет меню на завтра...

– Да, завтра Полина вернется из больницы. Приготовь что-нибудь...

Я умолкаю.

– Полезное? Или ее любимое?

– Ты все понял, да? – усмехаюсь я. – Конечно, ты понял. Считаешь меня мразью?
– Я не лезу в дела хозяев, Кирилл Михайлович, вы же знаете. Не мое дело давать оценку вашим действиям.

– А ты дай. Мне не с кем поговорить.

– Вы могли бы поговорить с Полиной Романовной

– Это было бы жестоко даже для меня.

– Вы недооцениваете супругу. Она довольно умная и эмпатичная девушка.

– Именно поэтому говорить с ней не стоит. Ты знаешь, что будет дальше. Всегда так бывает. Им всем кажется, что с ними будет иначе. Что любовь все преодолет и прочая хрень. Каждая считает себя особенной. Разбить ей сердце, уничтожить ее – не то, что хотел бы ее отец. Он бы убил меня, если бы узнал.

– Она никогда вас не простит. Никогда не сможет смотреть без боли.

Я морщусь. Перед глазами встает ее образ. Маленькой худенькой, осунувшейся за последние дни, девчонки. С огромными грустными глазами. Еще более грустными, чем год назад, когда она потеряла семью.

– В этом и смысл. Она должна ненавидеть меня. Возненавидит, переживет.

– Я приготовлю для нее тартар, крем-брюле и грудку с грибами. Ей понадобятся силы.

– Спасибо, – рассеянно отвечаю я.

А когда Анатолий закрывает за собой дверь, зачем-то говорю:

– Она выживет. Сильная.

– А вы?

– А что я? – пожимаю плечами. – Просто секс и его последствия. Подумаешь.

Для Полины первая наша встреча прошла на похоронах ее родителей. О смерти Ромы я узнал от общих армейских друзей, и, не раздумывая, поехал проститься. От тех же друзей я узнал, что осталась одна дочка, совсем молоденькая студентка.

Но на самом деле очаровательную девчушку с мягкими каштановыми кудряшками я видел еще раньше. Ей было лет десять, не больше. Я тогда жил в штатах, и в редкие приезды домой иногда встречался с Ромой за бокалом пива. Тогда он пригласил к себе на дачу, тряхнуть стариной, вспомнить службу. И вот, сидя в саду, потягивая пиво в ожидании шашлыка, я увидел ее.

Звонкая, шептунья, она ворвалась в сад, и стала его центром. И я показал ей, как искать и ловить в траве светлячков. Старая забава, еще из беззаботного постсоветского детства привела Полину в восторг.

А потом, спустя несколько часов, когда я уже и забыл о проведенных с чужим ребенком минутах, из дома раздался истошный вопль Роминой жены.

Да, деятельная Поля собрала всех светлячков, которых только смогла найти в траве у дома, в таблетницу и выпустила в доме, приведя в ужас мать. Ох, как ей тогда влетело. И я уже собирался было вмешаться и извиниться, но маленькая хулиганка, увидев, как я направляюсь в дом, округлила глаза и приложила палец к губам.

Секрет.

Маленький секрет в крошечной коробочке.

Вот так я впервые увидел Полину.

А потом – уже на похоронах. Повзрослевшую, превратившуюся из взлохмаченной девчушки в красивую грустную девушку. До умопомрачения красивую. Она, кажется, даже не осознавала своей красоты, но это я понял много позже.

И если сначала я просто хотел помочь, как старый друг семьи, то увидев ее, кутающуюся в тонкий плащ, понял, что хочу ее рядом. Может, не навсегда, на пару лет, на короткий срок обладания.

Я давно дал зарок не связываться с браком и семьей, не бередить старые раны. Но имел ведь я право хотя бы на иллюзию. Как те светлячки, которых выпустили из коробочки, чтобы тут же уничтожить на полу.

Нет, наш секс не был случайностью. Я знал, что однажды Полина окажется в моей постели. Знал, что однажды фиктивный брак превратится в роман и так же хорошо знал, что он неизбежно закончится. Полина получит опыт, деньги, путевку в жизнь. Я – несколько лет хорошего секса с девушкой, которая завладела моими мыслями в тот же момент, когда я вновь ее увидел. Все были в плюсе.

Если бы не одна-единственная ночь.

Я даже с трудом ее помню, потому что напился.

Мы неплохо ладили. Даже, я бы сказал, сдружились. Летали по миру – когда позволяла работа. Ужинали в ресторанчиках. Вечерами болтали в саду. Полина определенно видела во мне не столько мужчину, сколько опекуна, но нам было хорошо вместе, и я почти отказался от плана ее трахнуть. Если бы не та проклятая ночь.

Даже не помню, с чего все началось. Мы ходили на какую-то вечеринку. Выпили. Гуляли по набережной, пока водитель ездил за очередной бутылкой вина. Вернулись домой – и я впервые ее поцеловал.

Проснувшись утром, я обнаружил на соседней подушке Полину и рассмеялся. Из опекуна я превратился в любовника.

– Что смешного? – спросила она.

– Просто не думал, что озвученных принципов хватит всего на год.

На тумбочке валялась открытая пачка презервативов, и я окончательно успокоился, жалея лишь о том, что воспоминания о сексе с женой пробиваются сквозь туман опьянения.

Потом я улетел в командировку, а по возвращении Полина призналась, что беременна.

– Я была у врача. ХГЧ зашкаливает. Это гормон...

– Я знаю, – оборвал ее. – Мы же предохранялись.

– Я не помню... не уверена...

И вот тогда до меня дошло пересчитать резинки в открытой пачке. Но было поздно.

– Запишу тебя к врачу, – бросил я, и самому стало тошно от льда в голосе.

– Я уже была, следующий скрининг...

– Ты сделаешь аборт.

Вот тогда из любовника я окончательно стал монстром.

Закономерный финал.

***

Уснуть в эту ночь так и не удастся. Алкоголь пробуждает воспоминания из далекого прошлого. Как я впервые оказался в армии, как вопреки стереотипам подружился с командиром. Как он спас мне жизнь. Как он честно и грубо сказал «нахер тебе армия, Кирюх, это не твоя история и не твое призвание, иди и ищи свое дело, поверь человеку, который носит погоны по призванию, а не из-за льгот и статуса», и я, всецело доверяя старшему другу, отказался подписывать контракт.

Потом Рома женился, мотался с семьей по военным городкам, ездил в горячие точки. Когда я уехал в штаты, мы почти потеряли связь. Рома дослужился до высоких званий, и общение с западными друзьями могло добавить ему проблем. Лишь когда здоровье вынудило его уйти из армии, в редкие отпуска я проводывал старого друга. Все реже и реже, до тех пор, пока вместо очередного «надо бы списаться с Ромой, позвать побухать», не услышал «Назаров с женой погибли».

И я сразу вспомнил наш давний разговор.

– Кирюх, у меня скоро дочь родится.

– Ого. Поздравляю. Как решили назвать?

– Еще думаем. Жена сказала, сначала надо посмотреть. Вдруг назовем Машей, посмотрим – а она Полина? И чего, переименовывать?

Я рассмеялся. Для меня все дети на одно лицо.

– Будешь крестным? – вдруг спросил Рома.

– Не. Точно не. Я не верующий.

– Да и не надо. Просто хочу знать, что на свете есть человек, который поможет моему ребенку, если со мной что-то случится.

– Для этого не нужно ходить в церковь. Для этого нужно быть другом и человеком.

Помог так помог. Если «там» что-то есть, и Рома сейчас наблюдает за дочкой и другом, определенно меня проклинает. Я должен был помочь, а вместо этого едва не сломал Полине жизнь.

С утра водитель уезжает за ней в клинику, и я впервые в жизни нервничаю перед встречей с женщиной. Уже знаю, какой взгляд меня ждет. И с легкой тоской прощаюсь с довольно неплохими вечерами, когда нам было весело. Когда мы пили вино в саду или ходили по театрам, сравнивая впечатления. Одна ночь разрушила год неплохой, в общем-то, жизни. А я эту ночь почти не помню.

Хлопает входная дверь, и я спускаюсь вниз. Полина тенью пытается проскочить к лестнице. При виде нее непроизвольно сжимается сердце. Обычно уложенные крупными волнами волосы собраны в небрежную косу, на лице ни грамма косметики, а под глазами залегли темные круги. Она кутается в плащ, как будто ей холодно, и мне нестерпимо хочется ее обнять. Вдохнуть знакомый запах духов, которые я же для нее и выбрал, пообещать, что все будет хорошо. Что она переживет, и однажды встретит мужчину, который ее полюбит. Который захочет от нее детей.

Вряд ли она сейчас примет объятия от меня.

– Как ты? – Голос хриплый и неровный.

– Нормально.

А у нее бесцветный. Уставший.

– Как себя чувствуешь?

– Нормально.

– Как все прошло?

– Не знаю, я попросила общий наркоз.

– Хорошо, я доплачу.

– Я оплатила с кредитки. Все равно ее оплачиваешь ты.

– Что-нибудь нужно?

– Я хочу спать.

– Помочь тебе?

– Да. Не приближайся ко мне. Забудь о моем существовании.

Она вскидывает голову и оказывает меня презрением.

– Можешь выбросить меня на улицу, забрать квартиру или что там осталось от родителей, мне плевать. Я не собираюсь делать вид, что все в порядке. Да, у нас был уговор. Да, я сама виновата, что на него согласилась. Я сделала все, что ты от меня хотел, надеюсь, ты хорошо развлекся.

– Я не развлекаюсь, Полина. И не собираюсь выбрасывать тебя на улицу. Ты права, мы слишком сблизились, и теперь тебе больно. Я исправлю эту ошибку. И хочу, чтобы ты походила к психологу.

Она протискивается мимо меня на лестницу.

– Катись к черту вместе со своим психологом. Сам к нему ходи.

Ее отчаянную злость можно почувствовать. Она накрывает меня волнами вместе со страхом и обидой. Теперь этот дом – не убежище от внешнего мира, грозившего пережевать ее и выплюнуть. Это место, где никогда не будет безопасно и хорошо.

– Отдыхай. Если что-то понадобится, пиши.

Я долго смотрю ей вслед, даже когда шаги уже стихают где-то в недрах дома. И почему-то вместо облегчения ощущаю тучи, сгустившиеся над головой. Низкие, черные. Готовые вот-вот обрушить свой гнев.

Сегодня я не рискую уехать в офис, остаюсь работать дома. Но вместо того, чтобы заниматься делами, напряженно вслушиваюсь в тишину, жду, когда Полина проснется. Несколько раз я осторожно заглядываю в ее спальню. Девочка спит, свернувшись клубочком, хрупкая и беззащитная. На тумбочке стакан воды и блистер с таблетками обезболивающего, так что ничего удивительного в ее сонливости нет.

Наконец я и сам отрубаясь прямо в кресле, бессонная ночь все же догоняет адской усталостью.

А просыпаюсь от детского плача. Он раздается во сне, конечно, и для большинства напоминает лишь о долгих перелетах в компании орущих младенцев. Но я чувствую, как тьма тянется ко мне из всех углов огромного безжизненного дома.

Не могу сопротивляться. Не могу заставить себя забыть о Полине. Она – единственное, что стоит хранить. Единственное, ради чего я еще готов продолжать жить и работать.

Но когда я вновь заглядываю в ее спальню, постель оказывается пуста.

А дом по-прежнему тих.

Глава 2

Полина

Самым сложным оказалось выбраться из дома.

Кирилл живет в загородном поселке, куда общественный транспорт не ходит в принципе: богатые и знаменитые не любят всякую челядь под окнами. Но эту проблему легко решить, вызвав такси. Поездка обходится в кругленькую сумму и машину (без разрешения охраны) не пустят дальше КПП, зато быстро и без вопросов.

А вот уйти с территории дома – та еще задачка. Охрана на посту круглосуточно, ворота и калитка под наблюдением. Я понятия не имела, какие указания дал охране Воронов. Допускал ли он мысль, что я могу сбежать или даже не подумал о таком развитии событий.

Я, конечно, не была в его доме пленницей. Возвращалась, когда хотела, ехала, куда хотела. Правда, в сопровождении водителя, по совместительству и охранника. Но он никогда не воспринимался тюремщиком.

Наверное, сбежать было бы проще днем. Дождаться, когда Воронов уедет в офис, изъявить желание пройтись по магазинам и ускользнуть прямо из ТЦ или ресторана. Но я была слишком взвинчена, чтобы думать головой.

Так что я просто спустилась вниз, вышла в сад и долго сидела, размышляя, как уйти за пределы территории, чтобы никто не заметил. Даже подумывала перелезть через забор к соседям, но уж лучше меня поймают свои, чем Крестовские.

Решение в итоге нашлось. Не идеальное, но зато простое.

Я вызвала водителя и сказала, что мне не спится, и я хочу покататься. Иногда я так делала, обычно приезжая к реке или на кладбище, к родителям, так что просьба не вызвала вопросов. Я лишь боялась, что водитель позвонит хозяину, но Кирилл, очевидно, решил сохранить в тайне нашу личную жизнь, так что его не стали будить и послушно отвезли меня в центр.

Там я попросила высадить меня у круглосуточной итальянской кафешки и, водитель, думая, что я выбираю ранний завтрак, отправился искать парковочное место.

Понятия не имею, видел ли он, как я выскользнула из кафешки и рванула к такси, да и плевать. Несколько минут я всматривалась в скудный поток машин, пока не убедилась, что нас никто не преследует. А потом направилась на вокзал.

Вот три ингредиента успешного побега: выбрось телефон, сними наличку, запутай следы.

Хорошо, что я общительная. За год я выпросила у охраны об их работе все. Просто из любопытства. Чем они занимаются, как будут искать меня, если что-то случится, что делать, если я заблудилась. Выслушала десятки историй о работе ребят в органах, о поисках сбежавших должников, неверных жен. Меня, похоже, считали за свою: девчонку из простых, с которой можно посмеяться в перерыве. С Вороновым держали дистанцию, а со мной дружили.

Простите, ребята. Надеюсь, вам хватит ума сказать, что вы не имеете понятия, откуда эта девица все знает.

А знаю я вот что.

Водитель вернется в ресторан и не найдет меня в зале. Спросит у персонала. Повезет, если никто не вспомнит быстро выскользнувшую из зала шатенку. Тогда водитель решит, что я в уборной и немного подождет. Потом попробует позвонить. И обнаружит телефон под одним из диванов.

Конечно, он немедленно сообщил начальнику охраны, а тот – Кириллу. И все это займет (если повезет) минут пятнадцать.

Потом у них будет два варианта. Отследить меня по городским камерам – это долго, но даст стопроцентный результат. Подумать головой. Вариант ненадежный, зато быстрый. Уве-

рена, Кирилл сообразит, что я не стану брать билеты на самолет или поезд, а уеду на электричке.

Дальше след потеряется. Я доеду до ближайшей глухой станции, найду там автобус в какой-нибудь крошечный городок, из него в другой, из другого в третий. И так далее, пока не почувствую себя в безопасности. Второй телефон выброшу по дороге (как хорошо, что когда Воронов купил мне новый, подаренный родителями я надежно спрятала в шкаф), а наличных мне хватит на несколько месяцев, за которые придется решить проблему с работой и жильем.

У меня с собой нет кредиток, дебетовых карт, техники, ничего, по чему можно отследить. Только паспорт, и это проблема. Все билеты сейчас продают по паспорту, а значит, теоретически, Воронов может меня найти. И даже поменять по утере или порче не получится, наверняка знакомые в органах мигом сольют мужу все новые данные.

Но я успею решить эту задачку. В конце концов, можно уехать на попутке, договориться с водителем или проводником. В сказку про мужа-абыюзера и несчастную девочку готовы поверить многие. Да и сказка ли это? Я уже ни в чем не уверена.

Я просто хочу оказаться как можно дальше от отца моего ребенка, выдохнуть, закрыть глаза и почувствовать, что нам ничего не угрожает.

– *А если пациентка не хочет делать аборт?* – медленно спрашиваю я. – *Вы можете написать, что сделали и... не делать?*

Врач смотрит так, словно я предложила ему убить и ограбить бабушку.

– *Нет, Полина Романовна, это уголовное преступление. Я лишусь не только карьеры, но и свободы, если все откроется. Послушайте, я не понимаю, что именно происходит, но чувствую, что вы попали в беду. Позвольте вам помочь, обратитесь в органы...*

Я морищусь.

– *Я не хочу обращаться в органы! Я просто хочу уйти от мужа, и чтобы он не знал о ребенке!*

– *Вы имеете на это полное право, хотя этически...*

– *Этически он сам сказал, что ребенок ему не нужен, и я вместе с ним. Не его дело, что будет дальше. Только он из меня душу вытрясет, когда узнает, что я отказалась от аборта.*

– *И как же он узнает?*

– *Серьезно? Вы прикидываетесь или делаете вид? Он платит за операцию.*

– *И все же, ваше здоровье – это конфиденциальная информация, касающаяся только вас. Никто, в том числе и ваш муж, не имеет права доступа к ней. Только если вы разрешите. Вы записывали супруга в число доверенных лиц?*

– *Я... кажется, да... не помню...*

– *Давайте поднимем договор и, если что, подпишем новое приложение. Он получит только ту информацию, которую сообщите ему вы. И никто из клиники не скажет лишнего.*

– *Как будто я не знаю, что с деньгами и связями можно все.*

– *Можно, – не спорит Павел. – Но доступ к электронным картам только у врачей и руководства. Конечно, если ваш муж выйдет на начальство и убедит его выдать данные, я не смогу повлиять. Хотя прецедентов еще не было, наш шеф довольно строго относится к конфиденциальности. В конце концов, Полина, у нас не девяностые. Самое слабое место – это младший медперсонал. Нет ничего проще, чем взять карту в архиве и дать полистать за небольшое вознаграждение. Но я лично прослежу, чтобы карта не попала к вашему мужу... м-м-м... по объективным причинам.*

– *Это как?*

Я даже не надеюсь на удачу или чью-то помощь. Когда ее мне предложили в последний раз, все закончилось здесь, в холодной клинике.

– *Я ее потеряю, – фыркает врач, и впервые в непроглядной тьме брезжит слабый свет. Оказывается, убежать не так уж просто.*

На вокзале я сильно нервничаю, стараясь не привлекать внимание. Молодая девушка, к счастью, не тот персонаж, который бросается в глаза. Таких, как я, здесь достаточно. Встречают, провожают, ждут поезда. Главное не паниковать. Воронов еще не хватился меня, а если и хватился, не сообразил ехать на вокзал. Чтобы у него было меньше шансов меня найти, я не подхожу к кассам, а останавливаюсь у автомата с билетами и начинаю изучать расписание.

Через полчаса ближайшая электричка до небольшого городка неподалеку, и это то, что нужно. Да, легко вычислить, но оттуда я двину дальше, постараюсь поймать попутку. Потом снова и снова, пока не окажусь в безопасности и не выдохну.

Может, муж и не будет меня искать?

Зачем ему вообще сбежавшая жена? Может, ему и в голову не придет, что я могла откатиться от аборта. Решит, будто так оскорбил меня этим, что я ушла. Выдохнет, перекрестится, поклянется себе никогда больше не связываться с малолетними девицами, и на этом все кончится.

Но почему мне так слабо в это верится?

В другой жизни я могла бы стать детективом, наверное. Или телохранителем. К моменту, когда подходит электричка, у меня есть три пути отступления на случай, если увижу охрану Воронова. И запасной план побега тоже есть. Не очень надежный, но лучше, чем никакой.

Лишь оказавшись внутри электрички, на старом деревянном сидении, я выдыхаю, наблюдая, как удаляется вокзал. Первый этап позади. Впереди – неизвестность. Куда более понятная, чем та, что так пугала год назад. Не менее страшная и опасная для одинокой, ничего не умеющей, девушки, но в то же время совершенно иная.

Теперь я несу ответственность не только за себя. Тысячи матерей-одиночек как-то выживают на просторах России. Растят детей, работают, учатся. Да, это совсем не та шикарная жизнь, которую обещал Воронов, но я не из тех, кто меняет семью на айфон. Не прошу себе, если малодушно откажусь от ребенка, который не виноват в том, что его родители – пьяные идиоты.

В первую очередь нужно найти жилье. Квартиру за наличку с договором, который не регистрируется. Или комнату, чтобы не потратить все деньги сразу. Потом пройти какие-то курсы маникюра или наращивания ресниц, чтобы недолго и с возможностью свободного графика. Постараться хоть как-то заработать на будущее, когда появится ребенок.

Хочется заорать самой себе «что ты творишь?!». Как будешь жить одна, без навыков, без жилья, без работы? Рожать, растить ребенка? А если что-то пойдет не так? Во время родов или после, если я умру или не справлюсь? Лучше ему быть сиротой или не родиться?

Чувствуя, как подкатывает паника, я выдыхаю, заставляя себя успокоиться. Дело сделано. Назад дороги нет, испуганно вернуться под крыло Воронова – навсегда распрощаться с самоуважением.

Мимо проносятся одинаковые деревни, крошечные станции и лес. Много леса. Он успокаивает. Однажды я непременно выберусь на природу. Может, с ребенком. Будем гулять среди сосен, дышать лесным воздухом, слушать птиц. Болтать обо всем на свете. Расскажу ему о розовом и черном пляжах Греции, о вулканах Камчатки, о горе Олимп и горе Эльбрус, о Волге и Ниагарском водопаде. Обо всех местах, где я бывала и где однажды побываем вместе.

Мечты о светлом будущем помогают отвлечься от страха перед ним же, но заставляют вспомнить об одном нюансе беременности, который за суматохой побега отошел на второй план.

Я очень. Очень хочу есть.

Я даже булочки не прихватила, спеша сбежать. А теперь сижу и с тоской смотрю в другой конец электрички, где ребенок с наслаждением уплетает круассан. Первым делом куплю поесть.

И вдруг я вздрагиваю.

Потому что в руках вибрирует телефон.

Номер незнакомый. Не Кирилла, его я знаю наизусть. Но телефон был выключен год, и лишь симкарту я изредка активировала, чтобы номер не ушел к другому.

Нельзя отвечать. Нужно нажать на «сброс», а еще лучше игнорировать. Но я как будто теряю способность соображать. Прикладываю телефон к уху и молчу.

– Ты хоть понимаешь, как глупо то, что ты делаешь?

Сердце пропускает удар. Воронов.

– Я все тебе сказала.

– Я зато не все. Вернись немедленно. Хватит вести себя, как капризная девица.

– Я не твоя собственность. Ты не можешь мне приказывать.

– Ты моя жена!

– Фиктивная!

– По-моему, с некоторых пор нет.

– Ты путаешь брак и рабство. Я имею право решать, жить с тобой или нет. Я имею право уйти. И имею право распоряжаться своим телом.

– Надо же, как мы заговорили. А год назад права не имела? Или не умела? Ну и сколько денег ты прихвати... погоди-ка. Что значит распоряжаться своим телом?

Его голос неувовимо меняется, и я чувствую ледяную руку у себя на горле.

– Полина, ты что, не сделала аборт?! – Кирилл срывается на крик.

Дальше я не слушаю. Ругая себя последними словами, я открываю окошко и выбрасываю телефон. Он падает куда-то в придорожные кусты, которые тут же скрываются за поворотом. Судорожно оглядываюсь, заметил ли кто, но в вагоне слишком мало народу.

Вот и все. Воронов знает, что я сбежала. И, кажется, я только что по собственной глупости дала ему повод во что бы то ни стало меня отыскать.

Кирилл

Я слушаю в трубке гудки и пытаюсь осознать все, что только что понял и услышал.

Полина сбежала. Сбежала. Вот эта маленькая хрупкая девочка, которую едва не уничтожила смерть родителей, нашла в себе силы и ушла от человека, разбившего ей сердце.

От меня.

Ушла посреди ночи, так, что никто даже не понял.

Сначала я подумал, Полина внизу. Ест свое любимое мороженое, плачет, листает ленты в соцсетях. Не знаю, что собирался ей сказать. Может, попросить прощения. Может, просто успокоить свою совесть, убедиться, что девчонка в порядке и не собирается лезть на крышу.

В гостиной ее не было.

Как и в кухне, в большой ванной (иногда она любила там поваляться, рассматривая лес в огромном окне), на веранде и в саду.

Тогда я занервничал и позвонил охране. Там тут же успокоили: Полине Романовне взгрустнулось, и она поехала погулять. Сейчас машина отслеживается в центре, рядом с круглосуточным итальянским ресторанчиком.

Что ж, все объяснимо. И бессонница, и желание оказаться как можно дальше от дома, и любимые лакомства. Я даже расслабился и налил кофе, чтобы подняться в кабинет и обдумать пару вопросов (в том числе куда отправить Полину для восстановления душевных сил, раз уж на Мальдивы она не хочет), когда раздался звонок охранника.

– Кирилл Михайлович, Полина Романовна пятнадцать минут назад от меня сбежала.

Я почти потерял дар речи.

– В каком смысле сбежала?

– Она отправилась в ресторан. Ускользнула, пока я парковал машину. Сейчас жду администратора, чтобы посмотреть камеры в зале.

– Не трать время, ищи камеры в округе. Метро уже работает?

– Да, Кирилл Михайлович, только открылось. Я отправил туда парней, они поищут.

– Хорошо. Отправляй в аэропорт и пусть свяжутся с РЖД. Ее оба паспорта всегда при ней, может улететь или уехать. Телефон отследили?

– Да, оставила его в кафе.

Умная девочка, я даже чувствую некоторую гордость. И еще злость. На нее, на глупую категоричную дуручку. Куда она собирается? Неприспособленная к жизни, без денег, без работы. Обиженная на весь мир.

Я уверен, что быстро ее найду. Такие, как Полина, знают лишь одно направление для побега: Санкт-Петербург. Ну или Лондон, но у нее нет туда визы. Про побеги дорогая супруга знает только из шпионских фильмов, а значит, уже через пару часов ее приведут ко мне за ухо. Я клянусь, я дам ей ремня! Как маленькому ребенку, не столько чтобы наказать, столько за то, что подвергла себя опасности после операции!

Но Полина не находится. По камерам мы вычисляем такси, на котором она уехала, получаем конечный пункт – вокзал. Но она не брала билеты, это я знаю точно. На ее паспорт не зарегистрировано ни одного билета на поезд.

Может, кто-то из друзей или родных помог? Да, это вполне вероятно. У Полины нет кого-то очень близкого, но приятелей по универу, которые могут помочь с билетом – вагон.

Нет, не сходится. Никто не посадит на поезд девицу по чужим документам. Не в наше время. Сбеги она лет двадцать назад, я бы поверил, но сейчас? У меня небогатый опыт передвижения на поездах, но я не настолько оторван от реальности.

– Уверен, что ее нет на вокзале?

– Уверен, обшарили все залы, включая бизнес, туалеты и гостиницы.

– А камеры?

– Пока не допустили, ждем.

– Ускорь процесс. И так теперь ловить ее в каких-то ебнях.

Пока охрана роет носом землю, я листаю всю информацию о жене. Перед тем, как расписаться в ЗАГСе, я заставил охрану раскопать о Полине все. Чем жила, где училась, с кем дружила и дружит. К кому куда ездила, какие завела знакомства. Я знаю каждую рожу с фоток в ее соцсетях, каждую подругу детства, некоторых из которых не помнит даже она сама. Всех без исключения.

Жаль, что я не собирал информацию тщательнее. Имена есть, но на то, чтобы найти каждого из списка, уйдет неделя, не меньше. Не верю, что Полина сбежала в неизвестность. Она у какой-то подружки, прячется и плачется.

И вдруг взгляд падает на первую страницу личного дела.

– Да ладно, – фыркаю я. – Не может быть.

Там, помимо прочего, ее номер телефона. Старый, им она пользовалась еще когда мы только встретились. Потом я купил новый, к нему сразу же шла сим-карта, и Полина выбросила прежний, сказав, что хочет новую жизнь. Или не выбросила?

Действуя на удачу, я набираю номер и... гудки идут.

А потом она отвечает. И побег глупой обиженной девочки превращается в борьбу за выживание.

Мое или ее?

На этот вопрос нет ответа.

Несколько минут уходит на то, чтобы успокоиться. Ярость сейчас не поможет, не материализует жену возле стола и не вложит ей в голову мозги. Чем собраннее я буду действовать, тем больше шансов, что Полина вернется домой к вечеру.

– Значит, так, я скинул тебе ее новый номер, попробуй отследить. Нет, блядь, откуда я тебе возьму трекер?! Да меня не ебет, как! Запроси у оператора, дай кому-нибудь взятку, посмотри в хрустальный шар, Леха, блин! Она в электричке, билет на нее продают без доку-

ментов. Выясни, куда она могла поехать и постарайся перехватить. И держи в уме, что она, похоже, не дура. Может выскочить на промежуточной станции. Через час жду отчет.

Пока охрана хаотично бегает по вокзалу не то в поисках записей с камер, не то маршрутов поездов, я сажусь в машину и несусь в единственное место, где мне могут помочь.

– Здравствуйте, чем могу по...

– Вчера у вас лежала Полина Воронова. Мне нужна ее карта. Я ее доверенное лицо. побыстрее, пожалуйста.

– Одну минуту. Подскажите, пожалуйста, ваши фамилию имя и отчество и приготовьте документы.

– Воронов Кирилл Михайлович. – Я бросаю на стойку паспорт.

Некоторое время девица копается в компе и хмурится, а потом, старательно изображая вежливое сожаление, говорит:

– Сожалею, Кирилл Михайлович, но вас нет в списке доверенных лиц.

– Чушь. Смотри внимательнее.

– Договор с Полиной Романовной у меня перед глазами. В графе доверенных лиц стоит прочерк. Ничем не могу помочь.

– Какая дата в договоре?

– Это закрытая информация.

У меня вырывается ругательство. Сука!

– Мне нужен ее лечащий врач, немедленно!

– Боюсь, я не могу вам ничем помочь. Подскажите, пожалуйста, что случилось. Что-то с Полиной Романовной? Она не может обратиться сама? Ей нужна помощь?

– Да! – Я так ору, что девушка вздрагивает и отшатывается. – Ей пиздец как нужна помощь! Она – моя жена! И если ваш врач навешал ей на уши хуйню, и она решила сбежать, то всей вашей клинике пиздец!

– Успокойтесь, пожалуйста. Думаю, мне стоит сообщить руководству.

– Да уж потрудись!

Хочется расколотить пару витрин и лишь осознание, что так я потеряю драгоценное время, не дает этого сделать. Проклятые инициативные идиоты! Что они ей сказали? Если Полина не найдется, я засужу каждого из уродов, поездивших ей по ушам!

Наконец испуганная администраторша ведет меня в кабинет начальства. Судя по всему, директор клиники вовсе не собирался в такую срань приезжать на работу.

– Итак, Кирилл Михайлович, я вас внимательно слушаю. Что случилось, и зачем вы испугали мой персонал?

– Я хочу видеть врача, который вчера делал аборт моей жене.

– Полине Романовне Вороновой, так?

– Именно.

– Понимаете, Кирилл Романович, есть небольшая загвоздка. Полина Романовна вчера изменила соглашение с клиникой. И вычеркнула вас из списка доверенных лиц. Я связан врачебной тайной, этикой и уголовным кодексом.

– Хватит ездить мне по ушам, – обрываю его я, – ничем вы не связаны и не рискуете. Я прошу пригласить врача. Это сложно сделать? Я имею право побеседовать со специалистом вашей клиники?

– Да, разумеется. Но разговор будет в моем присутствии. И еще раз подчеркиваю: никакие подробности о здоровье Полины Романовны вам не передадут.

Я откидываюсь в кресле и внимательно рассматриваю мужчину перед собой. Он определенно не похож на идиота, знает законы и вряд ли сдаст мне хоть одного своего сотрудника. Такие не прогибаются, и деньги их мало интересуют. Интересно, он наемный директор или владелец? Похоже на второе.

– Нина, пригласите Павла, пожалуйста.

Еще один повод для размышлений: дверь открывается практически мгновенно. Значит, врач ждал в коридоре.

– Сергей Васильевич, вызывали?

А еще он без халата. Тоже сорвали из дома?

– Павел Маркович, присаживайтесь. Знакомьтесь, Кирилл Михайлович Воронов, супруг Полины Романовны, вашей пациентки.

– Что-то случилось? У нее осложнения?

– Вы мне скажите, – не выдерживаю я, – какие бывают осложнения после нихуя.

– Что, простите?

– Хватит. Она сделала аборт или нет?!

– Не думаю, что имею право отвечать на подобные вопросы. Сергей Васильевич, я как врач, категорически против обсуждения здоровья пациентки с посторонними.

– Понимаю. Кирилл Михайлович, давайте повернем разговор в конструктивное русло. Потому что пока он выглядит бессмысленно. Вы – умный взрослый человек. И понимаете, что закон полностью на нашей стороне. Полина Романовна недвусмысленно озвучила свое нежелание передавать вам какую-либо информацию. Мы все заинтересованы в том, чтобы разрешить конфликт. Но я пока вообще не понимаю, в чем он заключается. Либо разговариваем, либо я дам вам контакт нашего юриста, можете попробовать решить вопрос в судебном порядке.

Я выдыхаю. Да. Нахрапом и угрозами не возьмешь.

– Вчера моя жена легла в стационар на аборт. А сегодня она сбежала. Без денег, телефона, неизвестно, в каком состоянии. И я хочу выяснить, что ваш врач ей наговорил, какую херню налил в уши и сделал ли вообще аборт.

– Полина Романовна – совершеннолетняя дееспособная девушка, – вякает врач. – Она имеет право как сделать аборт, так и отказаться от него. И уйти от мужа тоже может.

Я нервно смеюсь. Почти теми же словами говорила Полина. Теперь у меня нет сомнений, откуда дует ветер, и я вытрясу из докторишки правду. Сейчас или потом, в темном переулке, мне плевать.

– Согласен с Павлом. Кирилл Михайлович, уход супруги – тяжелое событие. Но мы не полиция и не семейные психологи. При чем здесь аборт? Вы не хотите ребенка?

– Это ваше дело?

– Да, раз уж вы просите нас разгласить конфиденциальную информацию.

– Мы закончили. – Я поднимаюсь.

– Сергей Васильевич, – вдруг говорит этот Павел, – знаю, вы не одобрите, но я думаю, стоит обратиться в полицию. Полина Романовна не хотела аборт, и у меня есть основания полагать, что ее к нему принудили...

– Да, блядь! – взрываюсь я. – Именно так и было! В ментовку хочешь?! На!

Я бросаю папку, которую совершенно не соображая прихватил из дома, прямо ему в лицо.

– Давай! Пиши заяву на мужа-тирана пациентки!

– Кирилл Михайлович, успокойтесь и сядьте! – Директор устало трет виски. – Если вы хотите, чтобы мы вам помогли, то дайте нам больше информации. И доказательств, что вы не преследователь, а взволнованный супруг. И мы вместе подумаем, как быть, не нарушая закон.

И тут мне в голову приходит прекрасная мысль.

– Постойте-ка. Раз вы так чтите закон, то знаете, что за не оказанную услугу должны вернуть деньги.

– За вычетом фактически понесенных расходов.

– Прекрасно. То есть если аборта не было, вы должны вернуть средства. Ну если ваш врач не мухлюет с подделкой документов. Я оплачивал все процедуры. Я хочу выписку.

Пожалуй, это победа. И она могла бы достаться мне без скандалов и споров, если бы я включил мозги. Но ярость затуманила разум, превратила в истеричку, отняв драгоценное время.

– Я имею право на выписку?

– Разумеется. Я дам распоряжения девочкам, в течение получаса все будет сделано.

– Чудненько.

– Не трудитесь, – вдруг подает голос притихший врач. – Воронова не сделала аборт. И ее надо найти как можно скорее.

Глава 3

Полина

Мозгов хватило проехать несколько ближайших станций, не выскочить на первой попавшейся. Поддайся я порыву, позволь панике захлестнуть с головой, Воронов нашел бы меня в считанные часы.

И мое самообладание вскоре вознаграждается. Я оказываюсь в каком-то небольшом городке из числа тех, где станция и автовокзал – одна и та же локация. Завидев собирающийся отъезжать автобус, я быстро заскакиваю внутрь. Убеждаюсь, что в салоне куча свободных мест и наклоняюсь к водителю.

– Я билет не успела купить! Пожалуйста, можно вам за наличку?! Очень надо, у меня... э-э-э... тетя в больнице, некому проведать и еды купить!

Протягиваю немолодому мужчине тысячу и молюсь, чтобы ее хватило для победы. Наконец он нехотя забирает деньги и кивает, мол, садись. Я с облегчением прохожу вглубь салона, забиваюсь к окну и выдыхаю. Вот теперь у мужа нет шансов меня найти. Даже если он как-то, через камеры или еще как, вычислит, на какой станции я вышла, маловероятно, что кто-то вспомнит шустро заскочившую в отъезжающий автобус девчонку. А даже если вспомнит, к тому моменту я буду уже далеко.

Россия большая. Найти будет сложно.

От переизбытка эмоций и бессонной ночи я вырубаясь. Мы едем бесконечно долго, день сменяется сумерками, мимо проплывают деревеньки, названий которых я не знаю. Телефон сейчас бы очень пригодился. Хорошо, что в салоне есть хотя бы часы.

К восьми часам мы приезжаем на вокзал конечной остановки. Это небольшой городок между Москвой и Уралом, достаточно людный, чтобы спрятаться, недостаточно крупный, чтобы у Воронова были связи и активы.

– Не подскажите, здесь есть гостиница? – спрашиваю я у водителя.

– К площади иди, там много. Сейчас вот по этой улице, прямо до белой церкви. Там свернешь в сторону набережной, увидишь. И не доходя до набережной повернешь направо, туда, где музыка играет. Вдоль арбата куча гостиниц, на любой вкус.

– Спасибо!

– Не шастай одна и не свети деньгами, – вслед мне говорит водитель. – Плохо кончится.

Я ежусь: предупреждение звучит зловеще на темном пятнышке вокзала.

Пока ночь окончательно не вступила в свои права, я несусь к центру города, молясь, чтобы хоть где-то нашелся для меня номер. Конечно, придется засветить паспорт, но у гостиниц нет общей базы постояльцев. Чтобы узнать, проживает ли Полина Воронова в отеле нужно знать его название. До завтра Воронов не успеет, а потом я двину дальше.

Я выбираю один из небольших отелей возле милого (но немного устрашающего в вечернем свете) сквера. Первое, что меня привлекает – торговый центр неподалеку с огромной светящейся вывеской гипермаркета техники. Второе – афиша конференции сотрудников турагентств. В толпе всегда легче потеряться.

– Добрый день, вы бронировали номер? – спрашивает улыбчивая, но уставшая девушка на ресепшене.

– М-м-м... нет. Дело в том, что в гостинице, куда я должна была заселиться, прорвало трубу. Они хотели переселить меня в неудобный район, пришлось самой искать что-то поблизости от работы. У вас есть номера?

– Да, конечно, стандартный номер с большой кроватью подойдет?

– Отлично. Спасибо.

– Документы, пожалуйста.

Дрожащей рукой я протягиваю паспорт и, пока девушка снимает копию и заполняет документы, едва дышу. Мне кажется, вот-вот она скажет «Полина Романовна, ваш супруг запретил селить вас». Но Кирилл – не бог, у него нет абсолютной власти над моим миром. Спустя долгие десять минут я получаю заветную карту-ключ от номера.

– Нужна помощь с багажом?

– Нет, у меня только ручная кладь, спасибо.

Но прежде, чем отправиться в номер, я отправляюсь в торговый центр. Во-первых, моя цель – еда. От голода меня тошнит. Переживая за успех побега, я совсем забыла поесть, и теперь нервничаю. Как это отразится на ребенке? Возможно, стоит купить какой-нибудь суп или кашу, но я не могу отказать себе в удовольствии и беру любимое лакомство студенчества: чизбургер, нагетсы и молочный коктейль.

А еще захожу в отдел с техникой. Трачу непозволительно много денег, но покупаю самый дешевый айпад. Тот, что не требует сим-карты для работы. Чтобы выйти в интернет, ему требуется вай-фай, но зато его нельзя отследить, и я могу спокойно заняться обустройством будущего. Хотя бы посмотреть квартиры, прикинуть цены, обдумать профессию, которую придется получить.

А еще, чуть подумав, в книжном я покупаю открытку и конверт для письма по России. Брошу в почтовый ящик, когда буду уезжать. Воронов получит письмо спустя много дней, когда я окажусь далеко-далеко.

Но я должна с ним попрощаться.

Потому что он все же меня спас. И ребенку, когда он спросит, я расскажу именно об этом.

Не о том, как Кирилл отказался быть его отцом. И не о том, как я убегала в неизвестность.

А о том, что когда казалось, мир рухнул, нашелся тот, кто собрал его части и склеил воедино.

***

В номере меня накрывает странным пьянящим ощущением счастья. Думаю, это гормоны и неадекватная реакция на насыщенную углеводами еду. Но я сижу в абсолютно безликой комнате, на большой кровати, смотрю на мигающий огнями город, жую чизбургер и гуглю интересные города для проживания. И чувствую приятную легкость на сердце. Я все делаю правильно.

Для начала нужно найти жилье. Я не рассматриваю дорогие областные центры, потому что просто не потяну жизнь там, но и не смотрю в сторону крошечных городков. Мне предстоит освоить какую-то простую, требующую работы с людьми, профессию. Мастер маникюра, наращивание ресниц, флорист и так далее. Что-то, чему можно обучиться на недорогих курсах. Целый год, пока жила с Кириллом, я ходила по максимально пафосным и дорогим салонам – в другие меня просто не возили. Когда я жила с родителями, денег на дорогостоящие процедуры не было. Получив в распоряжение безлимитную карту, я долго решалась сходить к косметологу и, разумеется, выбрала какого-то из прежней жизни. Выбрала неудачно, покрылась пятнами и муж сказал:

– А давай ты не будешь экономить на ровном месте? Если нет проверенных мастеров – ходи в нормальные салоны.

– А что, в нормальных салонах не бывает аллергии? – буркнула я, выковыривая из блистера таблетку.

– Бывает, – согласился Кирилл. – Но там за это можно кого-нибудь за жопу взять. А что ты возьмешь с человека, который тыкает баб иголками на дому, пока муж на работе?

И я не стала спорить, потому что честно – мне было любопытно, каково это, жить, не считая деньги.

А теперь я благодарна этому опыту. Будучи клиенткой дорогих салонов, я знаю, какие мелочи делают их таковыми. Конечно, без кучи денег не получится открыть свою студию, зато должно получиться работать так, чтобы ко мне возвращались.

Надеюсь, руки у меня не из задницы.

Вскоре у меня накапливаются несколько десятков закладок с арендой квартир, курсами, обучением, медицинскими центрами. Какое-то время мне придется наблюдаться платно, чтобы не светиться в государственных клиниках, которые мгновенно передают информацию на госуслуги, к которым у бывшего мужа есть доступ. Надеюсь, через полгода-год Воронов обо мне забудет, и можно будет выйти из тени. Не станет же он трясти всю Россию, честное слово!

На платные роды я не накоплю, но рожать можно и бесплатно, в конце концов, как-то же это делают женщины, у которых мужья не олигархи. Но пока не стоит светиться ни в какой государственной поликлинике.

Основная проблема – до родов остается около семи месяцев. Два-три займут курсы, и на наработку клиентов, чтобы получать хоть какой-то доход, останется еще три месяца максимум. И это в случае, если со здоровьем все будет хорошо.

Поэтому на всякий случай я гуглю кризисные центры для матерей-одиночек. И хоть мне страшно не нравится мысль просить помощи, морально я к этому готова.

А потом, когда основные наработки сделаны и маршрут построен (с утра же рвану на автовокзал и попробую тем же способом уехать еще дальше), я пью коктейль и просто брожу по просторам сети. Оказывается, без соцсетей и мессенджеров в интернете и делать-то нечего.

Мне нравится природа. То, по чему я буду скучать – возможность в любой момент куда-то поехать. Отдохнуть от города, учебы, почитать, сидя в кресле возле моря. Мне даже не нужно было просить, я лишь сообщала, куда хочу поехать и на сколько – все делала помощница Кирилла, Мария. Бронировала джет, отель, делала визы.

Наверное, я идиотка. Променила роскошную жизнь на выживание. Может, Кирилл и прав. Может, стоило избавиться от ребенка, жить себе спокойно, наслаждаясь привилегиями брака с ним, а потом начать новую жизнь. С деньгами, с привычным уровнем комфорта, без страха перед неизвестностью и нищетой.

Но я не смогла. А значит, так надо.

Я вдруг натыкаюсь на чей-то блог с путешествиями по России. Среди дорогуших Камчатки, Териберки, Байкала и Алтая я натыкаюсь на заголовок «Самые красивые места Урала, о которых вы вряд ли слышали». И там, среди кучи горных хребтов, я нахожу его.

Драконье озеро.

Небольшое кристально чистое озерцо в Уральских горах. Получило название из-за утеса, издали напоминающего оскалившегося дракона.

Меня покорают фото. Наверняка они обработаны, но плевать. Серо-зеленые краски утра в хвойном лесу. Безмятежная гладь воды. Легкий туман вдали и очертания невысоких, покрытых зеленью, гор. Волшебное место.

– Мы обязательно туда съездим, – говорю я. – Ты родишься, подрастешь, и мы съездим к Драконьему озеру. У нас нет денег на крутые курорты за границей, но у нас будет свое озеро.

Я заставляю себя погасить свет. Сна нет ни в одном глазу, но рано утром я должна быть на автовокзале, чтобы найти автобус с пустыми местами, иначе договориться не получится. Как только начнется завтрак, я быстро поем, прихватчу пару бутербродов в дорогу – и рвану ближе к мечте, которая теперь обзавелась названием и вполне реальными фото.

Свет из приоткрытых штор падает на небольшой столик, куда я бросила купленные конверт и открытку. Кажется, именно они не дают мне уснуть. Напоминаю о не сделанном деле.

Лучше сейчас. Отправить письмо из города, ставшего лишь временным приютом.

Со вздохом я поднимаюсь, зажигаю настольную лампу и дрожащей рукой берусь за ручку.

Кирилл...

Что написать человеку, разбившему сердце?

Если я все делала правильно, то ты получишь это письмо, когда я уже буду достаточно далеко, чтобы жить без тебя. Не ищи меня по интернету, в этом городе я всего на

одну ночь. Здесь очень милый отельчик. Не дотягивает до тех, что снимал для меня ты, но мне в нем хорошо и спокойно.

Ты злишься, я знаю. Считаешь, что я предала тебя, украла деньги.

Ты прав.

Я надеюсь, рано или поздно ты за это меня простишь. Может, однажды я наберусь смелости и верну тебе деньги, которые взяла.

Нет, я не горжусь этим и не считаю себя правой. Я должна была уйти так, как пришла в твой дом – без всего. Но я испугалась, что ты меня не отпустишь. Не знаю, получится ли у тебя продать мою квартиру и покроет ли прибыль с нее ущерб, что я нанесла. Но если да – то сделай это.

Обещаю, что это станет последним напоминанием обо мне. Клянусь, я никогда не напомним о своем существовании. Никогда не вернусь в твою жизнь и не напомним о ребенке. Знаю, ты не хочешь, чтобы он родился, но я так не могу. Прости, что обманула. И что распорядилась твоим правом решать, будут ли у тебя дети.

Мальши узнает лишь то, что ты спас меня, когда казалось, что жизнь летит в пропасть. Что лишь благодаря тебе я выжила. Что его отец был умным, веселым и очень хорошим человеком, но, увы, наши пути разошлись.

И это не ложь. Я всегда буду благодарна за то, что ты для меня сделал. И буду скучать по тем дням, когда мы вместе смеялись.

Единственное, о чем я попрошу, хотя, наверное, не имею на это права – присматривай за могилами родителей. Мне некого больше просить.

Прощай. И будь счастлив.

И мы непременно будем.

Обнимаю. Полина

Кирилл

– Десять недель. Еще две – и все. Ни один врач не рискнет сделать аборт. Сорян, ничем не могу помочь.

Серебров смотрит с сочувствием, а я стараюсь его не замечать. Делаю большой глоток виски и стискиваю зубы.

Да как?! Как она умудрилась исчезнуть с концами?! Я перерыл всю страну!

Самолеты, поезда, автобусы – все! Она не покупала билеты, не снимала с карт деньги, не расплачивалась безналом и не регистрировалась в соцсетях. Мы посмотрели камеры на вокзале и вычислили, на какой электричке она уехала. Отследили телефон, а потом скрупулезно смотрели все камеры, до которых могли дотянуться.

В одном из городков кассирша вроде видела, как в автобус заскочила худенькая шатенка. Но билет она не покупала. А может, то была вообще какая-то другая девушка, по фотографии женщина ее не узнала.

Полина словно растворилась, перестала существовать! Порой я думаю, что ее уже давно нет в живых, и эти мысли не дают спокойно спать.

Глупая девчонка, наверняка она уехала на попутках. Села в чужую машину, без связи, без возможности защититься, беременная. Я пытаюсь не думать о том, что с ней может случиться, но богатый жизненный опыт и цинизм услужливо подкидывают картины, от которых стынет кровь.

Позвони мне. Позвони мне, Полина. Если с тобой что-то случилось, забудь про гордость, забудь про ребенка, позвони и попроси помощи.

– А больницы? Она должна была встать на учет, – говорит Паша.

– Единой базы нет. Каждую больницу в стране не проверишь. Да и Полина оказалась не такой уж дурочкой, она будет ждать большого срока.

– Может, вернется? – предполагает Серега. – Доходит до девятого месяца, поймет, что переоценила силы и вернется. Херово, конечно, но хотя бы вернется.

– Вряд ли, – усмехаюсь я. – Упрямая.

– Надо было просто поговорить.

– И многих ты просто отговорил? Сам сказал, гормоны ебашат так, что мозг отключается.

– А ты сказал, что у твоей жены он почему-то наоборот включился. Может, ты недооцениваешь ее склонность к глупостям? Может, она тебя поняла бы и согласилась?

Сразу видно нищего идеалиста. Сколько ему Серега платит? Тысяч двести, не больше. Может, и меньше.

Насколько странно по десятибалльной шкале, что я сижу в баре с врачом, который должен был сделать аборт моей жене, но не сделал и владельцем клиники, на которую я собирался подать в суд?

– Скажу сейчас жесть, – медленно произносит Серега, – но... может, и хрен с ней?

Десять баллов. Определенно десять.

– Сбежала. Решила рожать. Сожгла все мосты. Пусть сама живет, как хочет. В конце концов, не твоя проблема.

– А если вернется с ребенком?

– Разведись. Если второй супруг не явился и никак не отреагировал на развод, то должны без согласия штампануть. Явится – пусть общается с адвокатом.

– Серег, у тебя сколько детей?

– Двое.

– Ну вот от тебя жена свалит, детей заберет, и ты такой: ну и хрен с тобой, свидетельство о разводе в папочку – и до новых встреч?

– Чего это она от меня свалит? Я ее люблю. И на аборт не отправляю.

Сейчас в баре будет драка. И шансы найти Полину уменьшатся еще, потому что меня закроют на пятнадцать суток за хулиганство и нанесение тяжких телесных.

– Ладно, понял, расслабься. Но я серьезно не знаю, чем тебе помочь, Кирюх. Сочувствую, но в душе не ебу.

– Знаю.

– Ты ее хотя бы любишь? – спрашивает Паша.

Любовь? Я даже не знаю, испытывал ли я ее когда-нибудь. Может, в самом первом браке, еще когда был совсем юным, без груза ответственности и прошлого. Сейчас я чувствую только злость. На себя – за беспечность. На Полину – за глупость. На Пашку, за потакание нытью беременной идиотки. На жизнь, созданную, кажется, чтобы бить меня с каждым разом все сильнее и сильнее.

– Нет. Не люблю.

В полумраке бара экран телефона вспыхивает непривычно ярко.

– Да, Леш.

– Кирилл Михайлович, я ее нашел.

Рука замирает над стаканом.

– Только нашел или...

– Пока только нашел. Мы решили отслеживать почту, подумали, что она наверняка будет что-то заказывать в интернете, а доставка почтой обычно самая дешевая. С полным совпадением фамилии, имени и отчества нашлось около трех десятков Полин по всей стране. Пробыли по городам, регистраций не обнаружилось у трех. Одна из них оказалась нашей.

– Гениально. Не спускайте с нее глаз! Скидывай адрес, вылетаю, как только смогу найти самолет. Ничего пока не предпринимать. Только если соберется валить, задержите до моего приезда!

Я бросаю на стол пару купюр и поднимаюсь. Серега и Паша все понимают без слов.

– Отпишись, чего там как, – кивает Серебров.

– И поговори с ней! – вдогонку мне орет идеалист хренов.

О, я поговорю. Непременно поговорю.

После этого разговора Полина проклянет день, когда связалась со мной.

Глава 4

Полина

С утра снова ужасно тошнит. Врач сказал, это нормально на таком сроке, в интернете тысячи историй о токсикозах, но я все равно паникую. Впрочем, паникую я не столько из-за тошноты, сколько из-за одиночества и полного неумения жить самостоятельно. Меня накрывает уже знакомым страхом.

Словно не было Воронова, года жизни с ним. Словно я вернулась в исходную точку: родителей нет, денег почти нет, как жить дальше непонятно. Только вместо учебы и кредита – ребенок, который еще не родился, но уже требует ответственности.

Правильно питаться. Пить витамины. Много гулять. Не плакать по его отцу. Не думать о том, ищет он меня или получил письмо и махнул рукой, с облегчением выдохнув.

Почему я скучаю? Почему снова и снова он мне снится, и по утрам я чувствую себя разбитой, а не бодрой и отдохнувшей? Почему каждый раз, когда кто-то звонит, я боюсь услышать голос Кирилла и чувствую острое разочарование, когда все же не слышу?

Остается только надеяться, что все пройдет. И станет легче. Неужели я все-таки его любила? Старательно убеждая себя, что это лишь очарование его властью, достатком и уверенностью в завтрашнем дне. Ругая себя за меркантильность, я пропустила момент, когда сердце пропускало удары не при виде дорогого отеля на краю света и не от новенького ноутбука, недоступного раньше, а от голоса Воронова, тихого хриплого смеха и редкой улыбки? Это гормоны. Просто гормоны, иррациональный инстинкт беременной самки найти себе для защиты сильного самца. Никакой любви! Никакой тоски! Есть дела поважнее.

Надо сказать, все не так уж и плохо. Наверное, мне везет, хотя это слово я и не люблю. Я выбрала город, влюбившись в его широкие проспекты и близость к горам и озерам. Сняла неплохую студию в очень милом районе, засаженном зеленью, деревьями и клумбами. Записалась на курсы маникюра. Теперь у меня есть план. Я больше не беглянка, я начинаю новую жизнь. Сегодня жарко и меня тошнит, но я упрямо ползу в отделение почты. Пришли мои первые материалы для отработки заданий: машинка для аппаратного маникюра, фрезы, лампа и еще куча всего. Мне не терпится распаковать все и рассмотреть, поэтому я упрямо ползу, охлаждаясь предварительно замороженной водой – чтобы остывала помедленнее.

Я очень осторожна. Не оформляю регистрацию, хожу к частному врачу, не захожу в свои соцсети и по возможности не регистрируюсь под своим именем. Впрочем, это уже паранойя. Воронов не бог, чтобы отследить заказы в интернет-магазинах с доставкой почтой. Их сама почта-то не всегда успешно отслеживает.

Скоро начнет расти живот. Врач сказал, у девушек моей конституции беременность становится заметна не сразу. Но я все равно каждое утро кручусь перед зеркалом, пытаюсь обнаружить малейшие изменения. Мысль о том, что скоро кроха внутри вырастет в полноценного ребенка слегка пугает. Сложно жить дурочкой: все вокруг наполнено непонятной магией. Но я стараюсь не читать дурацкие форумы, блоги о беременности и книги о воспитании.

– Ведите привычный образ жизни, – сказал врач, – исключите травмоопасный спорт, алкоголь, курение, стрессы. А в остальном не акцентируйте внимание на беременности. Будете с ней носиться – накрутите себя до панических атак. У вас пока все в порядке, а если что-то будет не так, мы успеем отреагировать.

Мне лишь остается надеяться, что не будет. У меня нет денег на лечение, только на осмотры и анализы. Я так и не заключила договор на роды, соврав что-то невразумительное про мужа и его работу, мол, возможно, скоро переедем в Москву.

Если все пройдет хорошо, рожу в обычном роддоме, приехав на скорой, не выгонят же они меня. А вот если будут осложнения... об этом стараюсь не думать.

Но сегодня я как никогда позитивна и оптимистична. В руках – здоровая коробка с заказом. Я собираюсь вернуться домой и начать выполнять задания с курсов: учиться снимать покрытие (для этого у меня уже куплен десяток яиц), изучать последовательность действий и покрывать первые типсы базой.

У двери я мешкаюсь. Ключ с трудом входит в замочную скважину, приходится поставить коробку на пол и долго копать, подбирая правильное положение. Наконец я открываю дверь и выдыхаю. Ужасно жарко, все, чего мне хочется – включить кондиционер и лечь на диван, наслаждаясь прохладой. Посылка подождет. Я на ходу скидываю сабо и захожу в гостиную. У порога чувствую приток воздуха: я забыла выключить кондиционер? Но ведь я его даже не включала...

– Здравствуй, Полина. В кресле, лениво помахивая смартфоном, сидит Кирилл.

Полина

Я вздрагиваю и дергаюсь, но замечаю в коридоре движение: за мной в квартиру заходит охранник и закрывает дверь. Я не знаю его, кто-то из личной свиты Воронова. Сбежать мне не дадут. К горлу подкатывает тошнота. Чтобы немного успокоиться, я делаю глоток воды из бутылки и, замерев, смотрю на совершенно спокойного мужа.

Неужели у него ничего внутри не екает?

– Здесь довольно уютно. Хотя и ужасно тесно. Ты превзошла мои ожидания. Я думал, не протянешь и недели, вернешься, поджав хвост. А ты сбежала, запутала следы, даже квартиру сняла. Не думала о карьере в спецслужбах? Что там у тебя? Маникюр? Боже, Полина, и вот этим ты решила испортить себе жизнь? Пилить ногти? Бросить университет, забить на диплом, на все, чего ты добилась, ради чего вообще вышла за меня – и сидеть в засранном салоне над чужими пятками?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.